

Биография – это вопрос жизни

В общем количестве выпускаемых сегодня книг «биографии» занимают чуть ли не треть, а в иных странах и больше. О причинах этого наш корреспондент беседует с Ларисой ВАСИЛЬЕВОЙ. Ее «Кремлевские жены», без сомнения, стали супер-бестселлером в России. Ни одна другая книга не имела такого количества пиратских изданий. Общий тираж «Кремлевских жен» невозможно даже приблизительно подсчитать.

— Чем объяснить такой сумасшедший интерес к биографической литературе?

— Тому много причин. Главная — люди ничего про себя не знают. Они не понимают, что происходит в жизни с ними, они не разумеют, что они сами творят. Биографические романы — это, в сущности, одна из простейших моделей жизни. Это наглядное преподавание простых уроков: если делать так и так, то следствие будет такое и такое. Это желание читателя играть по правилам (ведь нам всем хочется играть по правилам) и попытка с помощью книжки эти правила уяснить. Надо ли быть добрым? Надо ли быть благородным? Наказуема ли низость? Ведь с чего началась психологическая литература? С того, что открыла: можно быть низким человеком и не потерпеть при этом в жизни фиаско. Литература прошлого века попыталась усложнить эти правила игры. Она показывала: да, можно быть низким, но ты платишь за свою низость не жизненным успехом, а своей бессмертной душой. Потом, когда спустя десятилетия, душа была заменена партийной совестью и долгом коммуниста, литературные сюжеты опять упростились. Чем, собственно, отличаются многочисленные сериалы от массовой литературы, созданной по канонам соцреализма? Да почти ничем, если повыкидывать из наших романов идеологию. «Она была честная, бедная и благородная, и поэтому он на ней женился». Все! Ту же причинно-следственную связь пытается уловить читатель в биографических романах и исследованиях. Почему так страстны споры об исторической достоверности? О том, что важнее: правда факта или правда художника и созданного им образа? Потому что очень страшно что-то не понять в правилах, что-то упустить. Это у художника правда вымысла, а у читателя-то решается вопрос собственной жизни.

Но когда я бралась за «Кремлевских жен», меня интересовал, как говорили в XIX веке, «женский вопрос». Меня интересовало, что происходило с женщиной в русской истории, как она менялась, какое место в обществе занимала. Собственно, я задумывала написать сразу четыре книги: «Женщина на русском троне», «Кремлевские жены», «Жена и муза» и «Евангелие от Василисы», которая в русских сказках то Премудрая, то Прекрасная. И это разделение очень важно. В этом разграничении заявлены разные женские ипостаси. Так вот эти книжки и должны были ответить мне и читателю на вопрос: что есть женщина? какая у нее в этой жизни и в этой истории

роль? Собственно, тут опять попытка понять правила. Я начала уже работу над книгами и вдруг поняла: а ну как введу по новой цензуру — я ведь этого никогда не опубликую. И, отложив все, начала «Жен» писать.

— По логике вещей, любой бестселлер — это уже масскульт. Получается, что и ваши документальные изыскания — тоже.

— Биографические романы запараллелены с масскультом совсем по другой причине. У меня на этот счет есть своя теория. В одночасье, размышляя над витками, которые делает отечественная литература, я обратила внимание вот на что: каждое столетие отмечено цветением разных жанров, и это цветение происходит все время в определенной, повторяющейся последовательности. При этом я заметила, что границы, разделяющие цветение одного жанра от другого, — четко не определяемы, но тем не менее ощущаются. Первая четверть столетия традиционно отмечена рождением гениев поэзии. Тут вам Пушкин, Лермонтов, Есенин. Вторая четверть столетия — это утверждение беллетристики.

— В каком смысле вы употребляете это слово?

— В прямом — в смысле «прекрасная литература». В эти годы пишутся «Вечера на хуторе близ Диканьки». А все главные романы двадцатого века в России были написаны именно в этот временной отрезок. Затем литература начинает думать и пишутся философские романы. Возникает Достоевский, появляется Толстой с его «мыслью народной» и «мыслью семейной». В советской литературе 60–70-е годы — это расцвет «деревенской прозы» и «городской прозы». Тогда же появились романы-притчи, историософская проза.

— А последняя четверть века?

— Последняя четверть века — это драматургия. Толстой, совершенно неожиданно для всех написавший «Власть тьмы», театр Чехова, театр Горького.

— Постойте. А как же театр Островского?

— Ну конечно, никаких жестких границ в этом рассечении столетия на четверти нет. И конечно, одно время готовит и растит в себе следующее, то, которое его сменит. И поэты живут и пишут во все времена тоже. Только чем становится поэт, попавший, скажем, не в первую четверть века, а в третью? Приходит некто и заявляет: «Поэт в России больше, чем поэт». Я имею в виду, что в определенное время оказываются главными и ведущими разные жанры. Расцвет драматургии, с ее многоголосицей, диалогичностью, распыленностью авторской позиции, неизбежно рождает тоску по одинокому герою, по индивидуализму, которая и реализуется в поэзии.

— То есть сейчас, если следовать такому раскладу, время драматургии?

— Да, только у нас театр оказался вытесненным телевидением.

— А как объяснить тогда сегодняшний расцвет масскульта? Какое оно имеет отношение к театру, победенному телевидением?

— А вы посмотрите внимательно: что есть эти бесконечные бестселлеры 1991 г., которыми завален наш книжный рынок? Это все состоявшиеся или несостоявшиеся сценарии. Кто знал Харриса, пока по его никому не известному роману «Молчание ягнят» не был снят фильм с гениальным актером? Только после фильма выгнали на белый свет и стали переиздавать его два ранних романа, совершенно не замеченные в свое время публикой, и делать по ним фильмы. Собственно, и биографический жанр, расцветший сегодня, в потенции тоже несет в себе сценарий. Ну и потом обвал масскультуры, конечно же, связан с тем, что кончилась советская литература. И, конечно, очень характерно, что она кончилась как раз, когда иссякла философская советская проза. Тут уже время говорить о том, что на что повлияло: слом эпохи, погреший и литературу, или же то, что литература иссякла, косвенно повлияло на то, что кончилось и само время.

— Но вы, Лариса Николаевна, ощущаете себя советским писателем?

— Конечно. Я вся оттуда. И, знаете, странное, двойственное чувство: с одной стороны, ясно, что советская литература — это уже музей со своими залами, экспонатами и даже уже штатом экскурсоводов. Я была на прекрасном торжественном вечере, посвященном шестидесятилетнему образованию Союза писателей СССР. Это ж уже мифы, а не люди. С другой стороны — я понимаю, что литература, которая сейчас пишется, может родиться и питаться только из той, ушедшей литературной традиции. Она будет совсем другая. Но она будет ОТТУДА.

Беседовала Екатерина ДАНИЛОВА